

Дмитрий Андреевич ФУРМАНОВ

ЛЕТЧИК ТИХОН ЖАРОВ

Рассказ

Тих, прозрачен и душист июньский вечер. По березовой роще из конца в конец легким аukaющим звоном плывут шорохи, высвисты, четкая дробная трель вечерних птиц... На просторной круглой поляне, у самой опушки, будто картонные белые домики, приникли в траву парусиновые палатки летчиков.

Там, в тени, спасаясь от туч комарья, с накрытыми лицами - расстегнутые, раздетые, в одном белье, с сигарками в зубах, кто с книжкой, кто с газетой - лежат они в сумерках, отдыхают. Или собираются артелью - и через поляну, за рощу, на Валку купаться. Валка - узкая, тихоструйная речонка с отлогими берегами, глухо заросшими высокой травой. На Валке такая же тишь, даже тише, чем в роще. Только в осоке кряхтят тяжело и мерно огромные жирные лягушки... Над водой, над тихими, чуть слышными струями прозрачной газовой сетью поднялся вечерний туман... Из-за реки глухо, невнятно откуда-то издалека слышны голоса - это в деревне. Туда летчики ходят брать молоко, а иной раз по вечерам шатаются к девушкам: песни петь, играть на гармонике или парами, ныряя во тьму, пропадають за прудом, в лугах, в перелесках...

Сегодня вечером никто нейдет ни купаться, ни к девушкам на деревню. Сегодня у всех на душе тяжело и мрачно, лица у всех угрюмы и строги: за рощей, на пригорке, под свежим холмиком земли они зарыли сегодня лучшего и любимого товарища - Никиту Зорина. Он погиб в воздушном бою, обуглился до костей в пламени сгоревшего самолета. За три недели схоронили двоих, но особенно тяжела была эта последняя утрата - и сегодня целый день ходят все с понурыми головами, стараются реже встречаться, меньше говорить: каждому хочется выносить, изжить в себе свое цельное, недробленое горе.

Из дивизии прилетел новый летчик, Тихон Жаров, - он работал на московском аэродроме и, говорят, считался одним из лучших. Здесь его знает Крючков, они в прошлом году вместе летали где-то под Киевом.

Каждое утро, на заре, из-за леса подымается неприятель, и нашим стареньким, растрепанным самолетам не под силу справиться с ловким, быстрым хищником. Завтра против него подымется Жаров, новый летчик - и будут снова в напряжении, с тревогой ждать товарищи рокового исхода...

Жаров весь день кружится у машины - осматривает гайки и винты, ощупывает, привертывает, смазывает, приглаживает ее, как любимого человека... Он приходил сюда с техником, и целых полтора часа они простояли над машиной, заглядывая и прощупывая со всех сторон, или, лежа на спине, подползали под широко раскинутые крылья и снова высматривали, щупали, мазали холодные винтики, гайки, болты. Жарову хорошо знакомо это тревожное состояние перед решительным делом - не впервые вылетать ему в неравный бой, но сегодня тревога как-то особенно свежа, а мысль по-особенному чутка, быстра и беспокойна. Что это: неверие ли в свои силы, или опасение за испытанного, но усталого, растрепанного друга - за свой аппарат? Или еще что?..

Может быть, скорбь товарищей о дорогом покойнике - не передалась ли она и ему: круглый холмик влажной, свежей земли нейдет из головы.

Жаров мимо старта, где с распростертыми крыльями выстроились в ряд самолеты, мимо крайней палатки поплелся тихо по узкой лесной тропе, сам не зная куда и зачем идет...

У самой реки столкнулся с Крючковым - тот в жестяном измызганном чайнике с веревочной ручкой тащил воду на вечерний чай.

- Ты что тут бродишь один? - окликнул он Жарова, улыбаясь бесцветными водянистыми глазками. - Аль не привык к новому месту?..